

1943 год должен был стать юбилейным. Город готовился отметить своё 240-летие. К этой дате Архитектурно-планировочное управление загодя решило выпустить монографию, посвящённую архитектурному обзору развития Ленинграда. Будущей книге дали название «Ленинград». Предполагалось, что она будет состоять из двух разделов: первый – обзорные очерки градостроительного искусства за 240 лет, второй – фотоиллюстрации лучших городских ансамблей, площадей, дворцов, административных зданий от петровских времён до наших дней.

Крупным специалистам архитектуры города были заказаны очерки для будущей книги. Так, искусствовед С. Земцов готовил статью «Развитие города в XVIII веке». А. Яцевич, автор книг «Крепостные в Петербурге» и «Пушкинский Петербург», работал над очерком «Развитие города в XIX веке». Архитектору Б. Рубаненко было поручено подготовить главу «Развитие города в 1917–35 годах».

С самого начала стало ясно, что успех монографии зависит от натуральных съёмок. К изданию был привлечён фотограф А. Рахмилович, известный своими прекрасными фотографиями архитектурных ансамблей и отдельных памятников города. Работы Рахмиловича постоянно появлялись на выставках и в печати, получали призы и премии. За несколько дней до начала блокады он отснял последние намеченные объекты и сдал снимки в издательство «Искусство». Там же, в редакторском столе лежали уже готовые тексты очерков для монографии.

¹ Продолжение. Начало см. в журнале «На русских просторах» № 3(38)–2019.

Фрагменты из книги Т.В. Сталевой «Особый витамин блокады». Книга предоставлена в редакцию Л.С. Кудрявцевой.

Начавшаяся война перечеркнула все планы. Казалось, что мечта о сборнике так и останется мечтой. В первую блокадную зиму умерли от голода и А. Яцевич, и А. Рахмилович. Типография имени Володарского, которая по довоенной договоренности должна была исполнять этот заказ, печатала только продовольственные карточки.

И всё-таки в Смольном решили: юбилейное издание «Ленинград» должно выйти в блокадном городе, несмотря ни на что. Это станет ещё одним свидетельством незыблемости Ленинграда, его высокого духа, его созидательной работы.

Секретарь горкома партии М. Шумилов и инструктор горкома М. Ванюков непосредственно отвечали за выход книги в свет. Во вновь созданную редакционную коллегию монографии вошли главный архитектор города М. Баранов, архитекторы Б. Рубаненко, М. Морозов, И. Фомин, В. Каменский. В Каменскому было поручено составить макет издания. Главное условие – книга должна быть торжественной, парадной, мажорной.

Один из членов редколлегии академик Академии художеств СССР, архитектор Борис Рафаилович Рубаненко вспоминал: «Белыми июньскими ночами сорок второго года мы собирались на улице Росси в здании архитектурно-планировочного управления и до хрипоты спорили, какой будет наша книга: какого цвета супер, из какого материала обложка, как будут оформлены форзацы. Каменский, человек большого вкуса и знаток издательского дела, не отклоняя наших пожеланий, всё-таки проводил свою линию. Он считал, что торжественность, парадность нужны этой книге. Но они должны выявлять главное – красоту, гармоничность, сообразность городских строений.

Параллельно с работой над макетом велось редактирование текстов. Редактор издания В. Соколов придирчиво относился к каждой фразе, к каждому слову. Он постоянно напоминал, что условия военного времени не освобождают авторов от ответственности за небрежность языка и стиля. Особенно тщательно редактировалось вступление к монографии, написанное коллективно членами редколлегии издания. В нём были такие знаменательные строки: “Золотыми буквами вписывает сейчас Ленинград в летопись всей нашей страны героическую главу истории, переживая огненные будни осаждённого города. Ленинградцы поклялись скорее умереть, чем отдать на разграбление фашистским варварам жемчужину своей родины. Они не впустили врага в Ленинград. Берега Невы стали «фронтом». <...> Ленинград, героически защи-

щаяся, мужественно переживает трудные, напряжённые дни, ни на минуту не прекращая творческой, созидательной работы”.

«Не прекращая творческой, созидательной работы» – эти слова относились и к коллективу типографии имени И. Фёдорова, где решено было печатать монографию.

До революции типография принадлежала товариществу Р. Голике и А. Вильборга и славилась в первую очередь своими прекрасными репродукциями произведений русских мастеров живописи и графики. После революции, несмотря на многие сложности, кадровые рабочие типографии не дали свести на нет её былую славу. «Хаджи-Мурат» Л. Толстого с иллюстрациями Е. Лансере, красочная «Азбука», впервые изданная без «ятей» и «фиты», явились совершенными произведениями типографского искусства.

Вот почему, когда поздней осенью сорок второго года в горкоме партии стал вопрос об издании монографии «Ленинград», решение было однозначным: печатать это уникальное издание должна только типография имени Ивана Фёдорова. «Мне, в ту пору инструктору горкома партии, предстояло сообщить об этом руководству типографии, – вспоминал впоследствии Михаил Семёнович Ванюков (Кстати сказать, после войны он много лет был директором этой типографии. – Т. С.). – Я отправился туда; директора Иннокентия Ивановича Сивкова нашёл в цехе у буржуйки в окружении рабочих. Было время обеденного перерыва. Рабочие грелись у печурки, пили кипяток из металлических кружек. Как же мало их осталось, подумалось мне тогда. С кем же будем работать?»

– Да, работать почти не с кем, – подхватил мою невысказанную мысль Сивков, когда мы удалились за дощатую перегородку, где находился его импровизированный кабинет. – Судите сами: в первые дни войны ушло на фронт 115 человек. Ещё пятьдесят вскоре отправились в ополчение. А сколько жизней унесла первая блокадная зима...»

«Иннокентий Иванович поведал мне, – продолжал Ванюков, – что нет уже в живых знаменитого графика Александра Николаевича Лео: умер от голода. Ушёл из жизни лучший цветной травильщик типографии Абрам Ефимович Горделей. Погиб от осколков фашистской бомбы прекрасный мастер фототипной печати Михаил Яковлевич Якшинский.

– Кто из стариков ещё жив? – поинтересовался я.

– Жив Александр Никитич Блохин, наш самый лучший тоновой травильщик, и его сверстник Доминик Лаврентьевич Бернатос,

тоже мастер высокого класса. Вокруг них и соберём народ. А что за работа предстоит? Опять карточки? – уточнил Сивков.

Его слова напомнили мне первую блокадную зиму. Тогда в городе бездействовали все типографии, за исключением тех, которые выпускали газеты, а также типография имени Володарского, занимавшаяся выпуском продовольственных карточек. Случилось так, что на Володарке в феврале сорок второго года выбыли из строя все печатники. Одни умерли, других свалила с ног дистрофия. Создалось критическое положение: задерживался выпуск очередного тиража. Через знаменитую ладожскую Дорогу жизни поступали продукты для осаждённых ленинградцев. Но как распределить эти продукты, если нет карточек?

Руководители полиграфических предприятий города были вызваны в Смольный. На состоявшемся там совещании было решено собрать печатников из других типографий и направить их в Володарку. Возвратясь из Смольного, Сивков рассказал об этом типографским рабочим. А они-то знали, что значит для голодающих ленинградцев задержка карточек на один день, поэтому первыми вызвались помочь своим коллегам-володарцам. Приехали к ним и работали круглые сутки, пока не выполнили срочный заказ».

В чём же секрет живучести фёдоровцев? Как же удалось в те жуткие дни спасти многим из них жизнь? Помог желатин, изготовленный ещё до войны для производственных нужд. Из него в типографской столовой стали готовить кисели и желе. Эти блюда добавляли некоторое, хотя и мизерное, количество калорий в рацион истощённых голодом людей. Кроме того, на типографском складе имелись запасы столярного клея. Его также превратили в спасительный продукт питания. Но самой главной подкормкой для рабочих стало льняное масло, две тонны которого завезли на красочный завод типографии буквально за несколько дней до начала войны и поэтому не успели израсходовать. Правда, завод этот находился на окраине города, почти у самой линии фронта. Экспедиции туда были небезопасны. И всё-таки масло регулярно доставлялось в столовую. Кроме голода, в осаждённом городе у человека был ещё один смертельный враг – бездеятельность. Только созидательный труд открывает в человеке скрытый до поры до времени резерв сил. Когда прекратилась подача электроэнергии и типография стала, кривая смертности рабочих резко пошла вверх. Что только не придумывал директор и его помощники, чтобы занять людей: наладили уборку производственных по-

мещений, организовали скалывание льда на улицах и наведение порядка в соседних дворах...

Однако душа рабочего человека тосковала по настоящему делу. День, когда в типографии впервые включили рубильники после тяжёлой блокадной зимы, печатники, травильщики, переплётчики восприняли как праздник. Они еле держались на ногах, но их лица сияли радостью. Была возобновлена и доведена до конца прерванная вынужденным простоем работа над одним из томов анатомического атласа профессора Воробьёва. В опубликованных там красочных рисунках и таблицах остро нуждались военные хирурги. Потом начали выпускать плакаты и листовки, открытки и другую печатную продукцию. Всё это воспринималось как весомый вклад в общее дело победы над врагом и выполнялось тщательно, добротнo, без скидок на войну.

Главный заказчик типографии – издательство «Искусство», – несмотря на условия блокады, не снизил требовательности к качеству изданий. Особенно тщательный отбор проходили открытки с портретами героев – защитников города. Они печатались в два, а то и в три цвета. Дело это непростое, поэтому в цех приглашали автора. Печатник и художник вместе просматривали вариант за вариантом, пока не останавливались на окончательном. Открытки выпускались 25-тысячным тиражом, который мгновенно расходился среди ленинградцев и защищавших город воинов. Через блокадное кольцо почта уносила их вглубь страны. Каждая весточка из города на Неве переходила из рук в руки, вызывая чувство восхищения и гордости за ленинградцев. Читали не только текст, рассматривали открытку, оценивали качество работы печатника. Считалось, что если качество издания не будет уступать довоенному уровню, значит, город выстоит.

Весной сорок второго года был получен важный заказ на изготовление атласа, составленного Институтом переливания крови. Для этого требовалось изготовить несколько особо сложных цветных репродукций. Такую работу мог выполнить только Антон Осипович Котэк, до войны возглавлявший цветное отделение. На беду после первой блокадной зимы этот замечательный мастер ослабел настолько, что не в силах был даже стоять на ногах. Не помогло ему и несколько улучшившееся питание. Котэка свалило тяжёлое необратимое заболевание. Тогда руководство Института переливания крови решило положить Котэка в свой стационар. Вскоре стало ясно, что надежд на его спасение очень мало. Но Котэк не захотел оставить начатую работу. Не в силах подняться, полулёжа, Антон

Осипович просматривал готовые пластины, которые ему присылали из типографии, вносил нужные поправки. Атлас вышел вовремя, а Котека уже не было в живых. Издание поражало специалистов высоким полиграфическим качеством цветных вкладок. Шли дни, а с ними прибавлялось работы у печатников. В типографии издавался художественно-публицистический журнал «Ленинград», сборники стихов поэтов, сражавшихся на Ленинградском фронте. Отсюда массовыми тиражами отправлялись на передовую любовно изданные песенники, сатирические сборники.

Визит инструктора горкома партии Ванюкова, с которого мы начали рассказ, прервал привычную жизнь типографии. По всем цехам разнеслась весть: получен заказ на альбом-монографию «Ленинград». Он должен быть абсолютно уникальным. Общий размер книги 26 × 34 см. В ней 403 страницы. Бумага мелованная, светло кремового цвета. В издании более 350 иллюстраций. Некоторые из них поданы на развороте. Обязательны буквицы и заставки. Переплёт твердый, оливкового цвета. Футляр белый, из толстого картона. Тираж – 2500 экземпляров. Из них 50 именных. Именные экземпляры заключены в белый с золотом переплёт. На титульном листе монографии значится: «Издано в Ленинграде в дни Великой Отечественной войны».

Над переплётom работали переплётчики А. Самсонова, А. Бахмурова и другие. Много труда в эту работу вложили печатники К. Мокроусов, Г. Мартынов, Г. Коробов. Это в том числе и о них академик Рубаненко сказал: «По высоким меркам полиграфического искусства монографию “Ленинград” можно причислить к наивысшим образцам издательского мастерства».